

**ПИСЬМО ЛЕО К Ю. А. ВЕСЕЛОВСКОМУ
О РУССКОМ ВЛИЯНИИ В АРМЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Во время архивных поисков наше внимание привлекла хранящаяся в Центральном гос. архиве литературы и искусства, среди писем неустановленных корреспондентов к исследователю и пропагандисту армянской литературы Юрию Алексеевичу Веселовскому (1872—1919), начальная часть письма без подписи и без даты. Судя по содержанию отрывка, это ответ армянского писателя на анкету Ю. А. Веселовского, материалы которой составили основу его лекции о русском влиянии в армянской литературе. При сличении изданного отдельной брошюрой текста лекции с письмом выяснилось, что этот отрывок принадлежит видному прозаику, публицисту и исторiku Лео (1860—1932). Ю. А. Веселовский предварил ответ писателя следующими словами: «Один из самых обстоятельных, написанных хорошим русским языком, подкреплённых интересными фактическими данными ответов был получен нами от даровитого беллетриста и публициста Лео (псевдоним Ар. Бабахаяна), автора таких серий рассказов и очерков, как «Провинциальные герои», «Концы», «Деревенские типы», прекрасного изобразителя народного быта и захолустной провинциальной действительности, придающего многим своим вещам тенденциозный и публицистический характер и ведущего борьбу с застоём, невежеством, материалистическими инстинктами буржуазии, экзоплатацией, грубым эгоизмом. Лео не только весьма определённо высказался насчёт русского влияния в его собственных произведениях, но дал очень ценную и справедливую характеристику всего того, чем армянская словесность была до сих пор обязана воздействию русских писателей и литературных школ. Эта характеристика, отчасти касающаяся литературных деятелей, уже сошедших со сцены, может до известной степени послужить дополнением к нашему очерку, основанному исключительно на личных показаниях современных армянских литераторов. Мы приведём её здесь целиком»¹.

Начало письма Лео, имеющее биографическое значение и опущенное Веселовским, публикуется по автографу (ЦГАЛИ, ф. 80, оп. 1, ед. хр. 360, лл. 21—22 об.), который обрывается на словах «увлекался я долго...», а продолжение письма—по указанной брошюре. Письмо относится к 1901—02 гг.

И. М. ЧИШАРЬЯН (Москва)

Милостивый государь Юрий Алексеевич!

Я очень и очень виноват пред Вами, потому что не был в состоянии своевременно ответить на Ваши два письма. Я чувствую, что молчание мое, по всей вероятности, истолковано Вами в том смысле, что я не желаю ответить на поставленные Вами вопросы; а между тем у меня не могло быть подобной мысли по одному тому, что я слишком уважаю Вас как симпатичного и заслуженного писателя. Мне остается просить у Вас извинения и в нескольких словах объяснить Вам, как произошла столь обидная и для меня медлительность с моей стороны.

На Ваше первое письмо я собирался написать очень подробный ответ, т. е. предоставить в Ваше распоряжение более обширный мате-

¹ Ю. Веселовский. Русское влияние в современной армянской литературе (на основании анкеты). М., 1909, с. 33—34.

риал по вопросу о влиянии русской литературы на армянскую. Помните, я даже написал г. Шахазизу передать Вам об этом. Но в это время я получил от редакции «Базмавепа» предложение написать подробный обзор литературы русских армян с начала до наших дней. Работа эта отняла у меня все те свободные часы, которыми я располагаю вне моей прямой службы в редакции «Мшак». Я должен был прочесть груды книг, привести в систему собранный таким образом материал и дать критическую оценку всего того, что заслуживало внимания. Шесть месяцев, днем и ночью, я был занят этою кропотливою работою и вынужден был оставить все в стороне, даже мою личную переписку с друзьями и родственниками. Труд мой уже печатается; может быть, Вы заметили его в сборнике «Գեղարք», где помещена часть его, а продолжение печатается в «Базмавепе».

По окончании этой работы я, конечно, не мог подумать об ответе на Ваше письмо, полагая, что сведения мои Вам более не нужны.

Второе же Ваше письмо я получил в Пятигорске, где я лечился от жестокой нервной болезни. Вынужден был отложить ответ до возвращения в Тифлис. Вот уже несколько дней, как я вернулся; и хотя болезнь по-прежнему приковывает меня к постели, спешу ответить Вам в надежде, что это вынужденное предисловие Вы найдете достаточным для оправдания моего.

Вопрос² о влиянии русской литературы на армянскую—очень интересный, но и легко разрешимый вопрос. Достаточно проследить за ходом развития литературы русских армян, чтобы установить то могущественное влияние, которое имели русские писатели на армян. Литература такого маленького народа, только что освободившегося от ига азиатчины и приобщенного к европейской культуре, не могла развиваться без великих образцов. Этими образцами служили, конечно, западные писатели и не менее их—русские писатели.

Сопоставьте периоды армянской литературы с периодами русской,—и вы получите полную картину воздействия. Начало армянской публицистики совпадает с великим движением шестидесятых годов и носит в основе те же идеалы, те же народно-освободительные стремления. Публицистическая поэзия Рафаэла Патканяна—и Некрасов, Шахазиз—и опять Некрасов, Добролюбов... Григорий Арцруни выступает на литературном поприще под сильным влиянием Писарева. В эпоху увлечения народничеством (Глеб Успенский) вы найдете в армянской литературе целую полосу чисто русского народничества! Эпоха надсеповской скорби сейчас же отзывается в армянской поэзии, принимает форму страстного, даже непонятного увлечения.

Даже такой писатель, как Раффи, который менее всех знал русский язык и литературу, находился больше под влиянием Тургенева, чем Виктора Гюго. Это можно установить по превосходным описаниям природы, где так и чувствуется тургеневская кисть. Дудукчян в романе «Хент»—это ведь Нежданов из «Нови»; можно даже уловить неждановские фразы!

Слог армянских писателей—это слог мастеров русского слова. Не знаю, насколько я прав, но в повестях и очерках Агароняна, написанных им до поездки за границу, мне как-то чудится Вас. Немирович-Данченко в его повестях из русско-турецкой войны. Да зачем долго искать примеров? Турецкие армяне давно установили, что литература русских армян—это детище северных литератур вообще и русской в особенности.

² Отсюда Ю. А. Веселовский начинает цитировать письмо.

Что касается лично до меня, русская литература была — и есть — единственным источником моего самообразования, так как я другого языка, кроме русского и родного, не знаю. Из русских писателей наиболее любимый мною автор Тургенев, произведения которого я читал несколько раз. Сильное впечатление оставил на меня «Обломов» Гончарова; увлекался я долго Глебом Успенским, и некоторые мои вещи, как например «Дед Маркос», «Странник» и др., носят на себе отпечаток этого увлечения.

Я страстный поклонник Щедрина и, может быть, влиянию великого сатирика я обязан своими «Провинциальными героями». Не могу сказать достоверно, но чувствую, что при описании этих «героев» мною руководил дух Салтыкова... Из других писателей я много читал Толстого, Достоевского, Островского, Добролюбова, Писарева.

Сейчас я не могу сказать, какое впечатление произвел на меня каждый из них в отдельности, но для меня ясно, что если я выработал себе известное миросозерцание, усвоил задачи эстетики, то в этом я очень многим обязан русским писателям. *Славные заветы великих мастеров русского слова для меня и сейчас священны, и остаются таковыми!*

Как человек, близко стоящий к армянской литературе, имеющий по роду своих занятий обширное знакомство не только с тем, что печатается и выходит в свет, но и с тем, что предназначается для печати, но весьма часто не выходит в свет, я могу удостоверить, что вообще все русские армяне питаются русской литературой; можно сказать, что *нет в современной русской литературе более или менее выдающихся произведений, которые бы не переводились на армянский язык.*

Горький, Чехов, Андреев, Вересаев усиленно переводятся и печатаются, масса же других переводов остается в рукописях, по редакциям газет и журналов, так как представляет собою неудовлетворительную работу.

ԼԵՈՅԻ ՆԱՄԱԿԸ ՅՈՒ Ա. ՎԵՍԵԼՆՆՈՎԻԻ ՀԱՅ ԴՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՎՐԱ ՌՈՒՍԱԿԱՆ ՎՁԴԵՑՈՒԹՅԱՆ ՄԱՍԻՆ

Ի. Մ. ՋԻՆԱՐՅԱՆ (Մոսկվա)

Ա մ փ ո փ ո ս մ

Գրականության և արվեստի կենտրոնական պետական տրիբյուտ. Յուրի Ալեքսանդրովիչ Վենելուսկուն (1872—1919) ուղղված նամակների մեջ հայտնաբերվեց 1 անստորագիր և անթվական մի նամակի մասը: Նամակի բովանդակությունից պարզվում է, որ դա հայ գրողի պատասխանն է Յու. Վենելուսկուի Բարցաթերթիկին: Յու. Վենելուսկուի զատախառնությունների առանձին բրոշյուրով հրատարակված տեքստը այդ նամակի հետ համեմատելով պարզվել է, որ նամակի հեղինակն է հայ անվանի պատմորան ու գրող Լևոն (1860—1932): Լևոնի նամակի էկենագրական բովանդակություն ունեցող և Վենելուսկուի կողմից շաղագրած մասը հրատարակվում է արխիվում պահպանված հեղինակային ինքնագրից, իսկ նամակի շարունակությունը՝ բոլոր բրոշյուրի: Նամակը գրված է 1901—1902 թթ.: